

АЛЕКСЕЙ ДОВГУН

ТЁМНЫЕ ИСТОРИИ

АРХИВ № 2

ТЁМНЫЕ ИСТОРИИ
АРХИВ № 2
ИСТОРИИ 11-20

11-20
— ИСТОРИИ —

Алексей Довгун

Тёмные истории

"Архив номер 2"

<https://litres.ru/74575149>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда достаточно заметить то, чего не должно существовать. Пустая квартира, из которой каждую ночь доносится стук. Старая камера, показывающая то, чего человек не способен увидеть. Архивное дело с датой собственной смерти. Странный фундамент, который словно живёт своей жизнью. Вагон, где можно встретить самого себя. Комната, способная переписать реальность. Здание, которое не выпускает своих жильцов.

В этих историях обычная жизнь постепенно даёт трещину — сначала едва заметную, а потом уже необратимую.

Здесь нет безопасных мест и случайных совпадений. Иногда прошлое оказывается рядом. Иногда будущее уже записано. А иногда оказывается, что человек давно находится внутри чего-то, чего никогда не должен был увидеть.

Десять историй. Десять разных кошмаров. И один вопрос: что, если однажды вы заметите то, чего не замечали раньше?

Содержание

Эхо	4
Клетка	29
Смена	48
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Алексей Довгун

Тёмные истории

"Архив номер 2"

Эхо

I

Дверь — на два оборота. Куртка — на вешалку в коридоре. Дальше — комната, которую Аркадий называет студией.

Четырнадцать квадратных метров. Когда квартира снималась три года назад, предыдущие хозяева держали здесь кладовку. Аркадий переделал сам: звукоизолировал стены, потолок, пол. Снял старые обои, наклеил виброизоляцию, поверх — минеральную вату, закрыл гипсокартоном на независимом каркасе. Сверху — акустические панели из плотного поролона, тёмно-серые, почти чёрные. Пол — плавающий, на демпферной подложке. Дверь — тяжёлая, с уплотнителем по периметру, закрывается глухим щелчком.

В комнате тихо. Настолько тихо, что первое время слышно было, как гудит холодильник за стеной, как сосед сверху спускает воду, как где-то далеко, за тремя стенами, работает лифт. Потом ухо привыкло. Теперь слышны только собственные звуки: дыхание, глотки, шорох одежды при пово-

роте на стуле. Иногда — собственный пульс, если долго сидеть неподвижно.

Это нравилось.

После развода тишина стала единственным, что поддавалось контролю. Жена ушла два года назад, забрала собаку и половину книг. Квартиру оставила — оформлена была на Аркадия. Менять ничего не стал: та же мебель, те же лампы, тот же ковёр в коридоре. Только эту комнату переделал.

На столе — компьютер, два монитора, аудиоинтерфейс, наушники — открытые, большие, с толстыми амбушорами. Рядом — катушечный магнитофон «Олимп», купленный на Авито за восемь тысяч, отреставрированный собственными руками. Рядом — кассетный дек, проигрыватель винила, цифровая станция с плагинами. На стене — часы без звука, секундная стрелка идёт плавно, без тиканья.

Аркадий садится, включает компьютер, наливает в кружку кофе из термоса. Термос стоит на полке справа — вставать во время работы не любит. Открывает почту.

Письмо от нового клиента. Мужчина, лет сорока, зовут Дмитрий. Пишет вежливо, без эмоций. Нашёл в шкафу после смерти бабушки коробку с плёнками. Шесть катушечных плёнок, формат четверть дюйма, длина — сто восемьдесят метров каждая. Бабушка умерла год назад, квартиру продали, вещи разбирали. На плёнках — бытовые записи, конец восьмидесятых, начало девяностых. Дмитрий хочет оцифровать, очистить от шумов, получить в высоком качестве. Го-

тов оплатить работу. Просит назвать срок.

Ответ уходит через десять минут. Три недели. Цена — такая-то за плёнку, плюс очистка, плюс реставрация. Предоплата пятьдесят процентов.

Дмитрий соглашается в тот же вечер. Присылает адрес, чтобы забрать плёнки. Сам Аркадий не едет — вызывает курьера. Курьер привозит коробку на следующее утро.

Коробка картонная, из-под обуви. Внутри — шесть катушек в бумажных конвертах, потрёпанных, с пожелтевшими краями. На конвертах — рукописные надписи карандашом: «87-й, май», «87-й, декабрь», «88-й, лето», «89-й, Новый год», «90-й, весна», «91-й, август». Больше ничего. Ни имён, ни комментариев.

Коробки переезжают на полку слева. Первая — «87-й, май» — распечатана, проверена: без видимых повреждений, без следов плесени, лента не слиплась. Заправлена в «Олимп», подключена через аудиоинтерфейс к компьютеру. Наушники — на уши.

«Play».

Первые секунды — шипение, щелчки, гул ленты. Потом звук становится разборчивым: детский смех, женский голос — «Саша, иди сюда, сфотографирую», мужской голос — «Да подожди ты, торт ещё не донесли». На фоне — телевизор, какая-то песня, звон посуды. Обычная запись. День рождения, судя по всему.

В станции открывается спектральный анализатор. Часто-

ты: верх забит шипением, низ гудит, середина — нормально. Применяется фильтр высоких частот, срезается всё, что выше двенадцати килогерц. Шипение уходит. Шумодав — щелчки становятся реже. Голос вытаскивается на передний план, телевизор чуть прибран.

Через два часа запись звучит чисто. Детский смех, голоса, звон посуды. Файл сохранён, наушники выключены, спина затекла. Взгляд на часы — прошло четыре часа, время не замечено.

Три шага до стены, разворот, три шага до двери. Так разминаются обычно. Стены близко, но привычно.

Возврат к столу. Второе письмо — от другого клиента, по старому заказу. Ответ. Почта закрыта. Взгляд на плёнку в магнитофоне. Послушать ещё раз, проверить, не пропущены ли артефакты.

Наушники — на уши. «Play».

Запись начинается нормально. Голоса, смех, телевизор. Слушание внимательное, частоты под контролем. На третьей минуте — что-то.

Остановка, перемотка назад. Прослушка.

На фоне, под голосами, под телевизором, — ещё один звук. Очень тихий. Глухой, ритмичный. Как будто кто-то стучит.

Выделен участок, зациклен. Прибрано всё лишнее: голоса, телевизор, смех. Оставлены только низкие частоты, от сорока до двухсот герц. Усиление.

Звук становится чётче.

Два удара. Пауза. Два удара. Пауза. Ровный интервал — около полутора секунд между парами.

Прослушка ещё раз.

Что-то в этом ритме знакомое.

Наушники сняты, положены на стол. Тишина комнаты. Потом, не думая, — стук пальцами по столу. Два удара. Пауза. Два удара.

Замирание.

Взгляд на стол. Деревянный, покрытый дерматином. Ещё раз. Два удара. Пауза. Два удара.

Это собственный ритм. Тот самый, которым стучат, когда думают. Делается так с детства — два удара указательным и средним, пауза, ещё два. Мать ругала, говорила — перестань, нервируешь. Не переставал.

Взгляд на плёнку в магнитофоне. Лента медленно крутится — забыл остановить.

«Стоп». Встал. Прошёлся по комнате. Три шага до стены, разворот, три шага до двери.

Совпадение, говорит себе. Любой ритм можно подогнать под любой другой. Мозг ищет паттерны там, где их нет. Это называется аподфения. Читал про это.

Обратно за стол. Наушники — на уши. Перемотка на начало. Прослушка всей записи целиком, от начала до конца.

Стук повторяется. Не всё время — иногда пропадает на минуту, на две, потом возвращается. Всегда один и тот же

ритм. Два удара. Пауза. Два удара.

Наушники сняты.

Взгляд на стол.

Стук.

Два удара. Пауза. Два удара.

Тишина.

Ещё раз. Громче.

Два удара. Пауза. Два удара.

Тишина.

Усмешка. Глупости. Устал просто. Четыре часа без перерыва.

На кухню. Воды налить, выпить стоя, у окна. Во дворе темно, фонарь горит, под фонарём — машина. Чужая, не его. Взгляд на часы. Половина одиннадцатого.

Возврат в комнату. Сел. Взгляд на плёнку.

Проверить.

Наушники — на уши. Перемотка на место, где стук был чётче всего. Прибрано всё, оставлены только низкие частоты. Усиление ещё.

Стук по столу.

Два удара. Пауза. Два удара.

Слушание.

Секунда. Две.

В наушниках — два удара. Пауза. Два удара.

Тот же ритм. С задержкой в две секунды.

Медленно снимает наушники. Кладёт на стол. Руки тёп-

лые, но пальцы — холодные.

Взгляд на магнитофон. Лента стоит.

Потом «Play».

Прослушка.

Стук был. Тот же. Но теперь слышится иначе. Не как артефакт. Не как совпадение.

Стук по столу.

Два удара. Пауза. Два удара.

Слушание.

Секунда. Две.

В наушниках — два удара. Пауза. Два удара.

Руки убраны со стола.

Стук в наушниках прекратился.

Пауза — пять секунд. Тишина.

Стук снова. Медленнее. Один удар. Пауза. Один удар.

Слушание.

Секунда. Две.

В наушниках — один удар. Пауза. Один удар.

Перестал стучать.

В наушниках — тишина.

Аркадий сидит неподвижно. Слушает тишину комнаты. Потом — тишину в наушниках.

Потом встаёт. Снимает наушники. Кладёт на стол. Выключает магнитофон. Выключает мониторы.

На кухню. Виски — немного, на дно стакана. Выпил.

Постоял у окна. Посмотрел во двор. Машина под фонарём

всё ещё стояла.

Возврат в комнату. Сел. Взгляд на плёнку.

Не может быть, говорит себе. Техническая проблема. Петля обратной связи. Наводка. Что-то с кабелями.

Встал. Начал проверять.

II

Обход комнаты по периметру. Проверены все кабели — аудио, питания, USB. Всё подключено нормально, без скруток, без удлинителей. Проверены розетки — все закреплены, не болтаются.

Принцип петли обратной связи известен. Когда сигнал с выхода попадает обратно на вход, усиливается, зацикливается. Обычно проявляется свистом, гулом, воем. Но не ритмичным стуком.

Проверка микрофонов. Один — конденсаторный, на стойке, для записи голоса, если нужно. Не используется сейчас. Выключен, кабель отсоединён, убран в шкаф.

Проверка наушников. Подключены другие — закрытые, старые, «Техникс». Прослушка плёнки через них.

Стук есть. Тот же ритм. С той же задержкой.

Снял наушники.

Проверка колонок — пара мониторов на столе. Выключены. Прослушка через наушники.

Стук есть.

Сел. Подумал.

Может, наводка. Электромагнитная. От какого-то прибо-

ра. Осмотр. Компьютер, аудиоинтерфейс, магнитофон, кассетный дек, проигрыватель. Всё экранировано. Кабели — в оплётке.

Компьютер выключен.

Стук в наушниках продолжается.

Магнитофон выключен.

Стук прекратился.

Магнитофон включён.

Стук вернулся.

«Стоп».

Тишина.

«Play».

Стук.

Слушание. Ритмичный, глухой, ровный. Два удара. Пауза. Два удара.

Не наводка, говорит себе. Наводка не может повторять собственный ритм.

Встал. Прошёлся по комнате. Три шага до стены, разворот, три шага до двери.

В наушниках — шорох. Шаги. Собственные. С задержкой в две секунды.

Остановка.

Шаги в наушниках продолжают ещё две секунды. Потом — тишина.

Три шага вправо.

В наушниках — три шага вправо. С задержкой в две се-

кунды.

Разворот.

В наушниках — шорох разворота. С задержкой.

Подход к двери. Открытие. Выход в коридор.

В наушниках — звук открывающейся двери, шаги, шорох одежды. С задержкой.

Стоит в коридоре. Слушает.

В наушниках — тишина. Потом — дыхание. Ровное, спокойное. С задержкой в две секунды.

Дверь закрыта. Возврат в комнату. Сел.

Снял наушники. Положил на стол.

Взгляд на магнитофон.

Плётка крутится медленно, ровно. Катушки вращаются с одинаковой скоростью. Лента идёт через головки, прижимной ролик прижимает её к ведущему валу. Всё работает нормально.

Но звук, который слышен, не может идти с плётки. На плётке — запись 1987 года. День рождения, детский смех, голоса. Откуда там собственные шаги? Собственное дыхание? Собственный стук по столу?

Взгляд на часы. Половина первого.

Сна не будет. Сел в кресло у стены. Смотрит на магнитофон.

Плётка крутится.

Тишина комнаты.

Потом подъём. Подход к магнитофону. «Стоп». Плётка

остановилась.

«Play». Плёнка пошла.

Слушание.

Стук. Собственный стук. Два удара. Пауза. Два удара.

Не стучал.

Слушание.

Стук продолжается.

Обратно в кресло. Закрытые глаза.

Усталость, говорит себе. Галлюцинации. Слишком долго работал. Нужно спать.

Не спал до утра.

III

Утро. Пробуждение в кресле. Шея затекла, голова гудёт. Подъём, ванная, умыться холодной водой. Взгляд в зеркало — лицо серое, под глазами тени.

Возврат в комнату. Сел за стол. Взгляд на магнитофон.

Плёнка крутится. Не выключена ночью.

Наушники — на уши. Прослушка.

Стук есть. Тот же ритм. Два удара. Пауза. Два удара.

Снял наушники.

Звонок клиенту.

Дмитрий отвечает на третий гудок. Голос сонный.

— Алло.

— Здравствуйте. Это Аркадий, вчера обсуждали плёнки.

— А, да. Здравствуйте.

— Вопрос. Плёнки нашли в шкафу бабушкиной кварти-

ры.

— Да.

— А бабушка ваша жила там одна?

— Последние десять лет — да. Муж умер в восьмидесятых, детей не было. Одна жила.

— А соседи? Кто-нибудь жил рядом?

— Не знаю. А что?

— Просто спрашивается. На плёнках есть странные звуки. Может, это соседи.

— Странные? Какие?

Пауза.

— Стук. Ритмичный. Не знаете, что это может быть?

— Не знаю. Бабушка не жаловалась на шум, если об этом.

Хотя...

— Что?

— Она говорила, что в стенах что-то стучит. Но это старый дом, там всё стучит. Трубы, лифт, соседи. Не обращала внимания.

— Понятно. Спасибо.

— А что, там что-то не так?

— Нет. Просто проверяется.

— Хорошо. Если что — звоните.

— Хорошо.

Трубка положена.

Взгляд на стену. На вентиляционную решётку под потолком. Старая, металлическая, с крупной сеткой. Ни разу не

снималась.

Подъём. Стул принесён. Влез. Осмотр решётки.

Прикручена двумя винтами. Отвёртка достана. Винты откручены. Решётка снята.

За ней — тёмный прямоугольник вентиляционной шахты. Свет от телефона.

Пыль. Паутина. Глубоко — поворот шахты.

Внимательнее.

В углу, чуть ниже, что-то блестит.

Потянулся. Пальцы нащупали тонкий провод. Серый, почти незаметный. Шёл вглубь шахты, вдоль стенки.

Дёргает провод.

Не обрывается. Идёт дальше.

Достаёт провод наружу. Тонкий, в изоляции. Длинный — метра два, не меньше. Шёл в стену, в ту сторону, где соседняя квартира.

Внимательнее.

На конце провода — маленький круглый предмет. Чёрный, размером с монету. Микрофон.

Сидит на стуле, держит в руках микрофон, смотрит.

Потом слез. На кухню. Воды налить. Выпить.

Возврат. Взгляд на микрофон.

Кто-то слушал.

Годами.

Взгляд на стену. На дырку в стене, где раньше была решётка.

Достаёт телефон. Номер управляющей компании. Звонок.

— Алло, управляющая компания.

— Здравствуйте. Квартира двенадцать. В вентиляции найден посторонний предмет. Провод, микрофон. Кто-то слушал.

— Что? Уверены?

— Да. Найден.

— Сейчас пришлём мастера.

Трубка положена.

Сел. Смотрит на микрофон.

Через полчаса пришёл мастер. Молодой, в спецовке. Посмотрел на провод, на микрофон.

— Это что?

— Не знаю. Вызывайте полицию.

Мастер пожал плечами. Позвонил. Приехала полиция. Два участковых. Выслушали. Посмотрели на провод.

— Говорите, провод идёт в соседнюю квартиру?

— Да.

— Давайте проверим.

Пошли к соседям. Квартира тринадцать. Звонок. Не открыли. Ещё раз.

Дверь открыл мужчина. Лет пятидесяти, худой, в старой футболке. Посмотрел мутными глазами.

— Что надо?

— Полиция. Откройте квартиру, пожалуйста.

— Зачем?

— Проверяется. У соседей найден посторонний предмет в вентиляции. Провод идёт сюда.

Мужчина помолчал. Потом отступил. Прошёл внутрь.

Квартира пустая. Почти. В комнате — матрас на полу, стол, стул. На столе — аппаратура. Микрофоны, усилитель, записывающее устройство, монитор. Всё старое, но рабочее.

Аркадий стоит в дверях. Смотрит.

Мужчина сидит на матрасе. Смотрит в пол.

Один из участковых подошёл к столу. Посмотрел на аппаратуру.

— Это что?

Мужчина молчит.

Участковый смотрит на Аркадия.

— Его знаете?

— Нет.

— А он вас?

— Не знаю.

Участковый повернулся к мужчине.

— Вы кто?

— Живу тут.

— Чья квартира?

— Моя.

— Покажите документы.

Мужчина достал паспорт. Участковый посмотрел.

— Собственник?

— Да.

— А что за аппаратура?

— Слушаю.

— Кого?

Мужчина посмотрел на Аркадия.

— Его.

У Аркадия перехватывает дыхание.

— Зачем?

Мужчина пожал плечами.

— Просто слушаю.

— Сколько слушаете?

— Не знаю. Несколько лет.

— Почему?

Мужчина молчит.

Участковые переглянулись.

— Пойдёмте с нами.

Мужчина встал. Пошёл к двери. Проходя мимо Аркадия, посмотрел.

— Ты стучишь, когда думаешь, — сказал. — Два удара.

Пауза. Два удара.

Аркадий ничего не ответил.

Мужчину увели.

IV

Стоит в пустой квартире соседа. Смотрит на аппаратуру.

Один из участковых подошёл.

— Заявление написали?

— Нет.

— Надо написать. Это нарушение неприкосновенности частной жизни.

— Хорошо.

Пошли в участок. Заявление написано. Опрос. Рассказано всё — про плёнку, про стук, про провод, про микрофон.

— А плёнка при чём? — спросил участковый.

— Не знаю. Может, записывал на плёнку.

— Но плёнка старая, восьмидесятых годов.

— Не знаю. Может, использовал старую плёнку.

Участковый пожал плечами.

— Проверим. Если записывал — будет доказательство.

Аркадий кивнул.

Отпустили. Возврат домой.

В квартире тихо. Прошёл в комнату. Сел.

Вентиляционную решётку обещали вернуть завтра. Дырка в стене закрыта временной заглушкой.

Взгляд на магнитофон. Плёнка всё ещё крутится. Не выключена.

Наушники — на уши. Прослушка.

Стука нет.

Только бытовые звуки 1987 года. Детский смех, голоса, телевизор.

Снял наушники.

Всё. Закончилось.

Облегчение. Настоящее, физическое. Плечи расслабились, дыхание стало ровным.

Вуайерист. Псих. Слушал несколько лет. Записывал на плёнку. А когда плёнка включилась, звук с его аппаратуры попал на магнитофон через наводку. Или через провод, который не заметили. Или как-то ещё. Не важно.

Главное — объяснение нашлось. Рациональное. Понятное.

Встал. На кухню. Виски налить. Выпил.

Потом возврат. Сел.

Закончить работу. Осталось пять плёнок. Очистит, сдаст заказчику, получит деньги. Всё нормально.

Достал вторую плёнку — «87-й, декабрь». Заправил в магнитофон. Наушники — на уши. «Play».

Запись началась. Ёлка, голоса, песни, детский смех. Новый год 1987-го.

Слушание. Звук чистый, без стука. Улыбка.

Проработал до вечера. Очистил вторую плёнку, третью. Сохранил файлы. Выключил компьютер.

Спать. Лёг в кровать. Закрытые глаза.

Спал хорошо. Впервые за несколько дней.

V

На следующий день принесли вентиляционную решётку. Мастер прикрутил обратно.

— Всё, — сказал мастер. — Больше никто не залезет.

— Спасибо.

Сел за стол. Взгляд на плёнки. Осталось три.

Достал четвертую — «89-й, Новый год». Заправил в маг-

нитофон. Наушники — на уши. «Play».

Ёлка, голоса, песни, смех. Всё нормально.

Слушание. Чистый звук. Без стука.

Улыбка.

Поработал час. Остановился. Снял наушники. Потянулся.

Взгляд на плёнку.

Послушать ещё раз. Проверить, не пропущено ли чего.

Наушники — на уши. Перемотка на середину. Прослушка.

Всё чисто.

Хотел уже остановить, но вдруг — что-то.

Остановка. Перемотка назад. Прослушка.

На фоне, под голосами, под песнями, — ещё один звук.

Очень тихий.

Прибрано всё лишнее. Оставлены только низкие частоты.

Усиление.

Звук стал чётче.

Шаги.

Собственные шаги.

Замирание.

Прослушка ещё раз.

Шаги. Три шага. Пауза. Три шага.

Собственный ритм ходьбы. Три шага до стены, разворот, три шага до двери.

Снял наушники.

Взгляд на комнату.

Три шага до стены. Разворот. Три шага до двери.
Встал. Прошёлся.
Три шага. Разворот. Три шага.
Сел. Наушники — на уши.
Прослушка.
Шаги были. С задержкой.
Но теперь задержка другая.
Не две секунды.
Три.
Стук по столу.
Два удара. Пауза. Два удара.
Слушание.
Секунда. Две. Три.
В наушниках — два удара. Пауза. Два удара.
Руки убраны.
В наушниках — тишина.
Стук снова.
Два удара. Пауза. Два удара.
Слушание.
Секунда. Две. Три.
В наушниках — два удара. Пауза. Два удара.
Снял наушники.
Взгляд на магнитофон.
Плётка крутится.
Тишина комнаты.
Потом подъём. Прошёл.

Три шага до стены. Разворот. Три шага до двери.
В наушниках — шорох. Шаги. С задержкой в три секунды.
Остановка.

Шаги в наушниках продолжают ещё три секунды. Потом — тишина.

Понимание пришло.
Вуайерист не объяснял ничего.
Был. Но не был причиной.

Взгляд на плёнку.
Плёнка крутится.

Сел. Взгляд на часы.
Потом подъём. На кухню. Воды налить. Выпить.
Возврат. Сел.

Тишина.
Потом подъём. Прошёл.
Три шага до стены. Разворот. Три шага до двери.
Остановка. Прослушка.
В наушниках — шаги. С задержкой в три секунды.
Сел.

Взгляд на стол.
Стук.
Два удара. Пауза. Два удара.
Слушание.

Секунда. Две. Три.
В наушниках — два удара. Пауза. Два удара.
Руки убраны.

Прослушка.

Тишина.

Пауза.

Стук снова.

Два удара. Пауза. Два удара.

Слушание.

Секунда. Две. Три.

В наушниках — два удара. Пауза. Два удара.

Замирание.

Потом медленно поднятая рука.

Взгляд на пальцы.

Потом опущенная рука.

Прослушка.

В наушниках — тишина.

Сидит неподвижно.

Потом подъём.

Пошёл к двери.

Открыл.

Вышел в коридор.

Закрыл дверь.

Пошёл на кухню.

Налил воды.

Выпил.

Вернулся в комнату.

Сел.

Взгляд на магнитофон.

Плётка крутится.

Слушание.

В наушниках — тишина.

Потом — шаги.

Собственные шаги.

Не двигается.

Шаги продолжают.

Три шага. Пауза. Три шага.

Сидит неподвижно.

Шаги в наушниках прекратились.

Потом — шорох.

Садится на стул.

Не двигается.

Шорох продолжается.

Садится.

Сидит неподвижно.

Потом — тишина.

Слушание.

Тишина.

Потом — стук.

Два удара. Пауза. Два удара.

Не стучал.

Стук продолжается.

Два удара. Пауза. Два удара.

Слушание.

Потом — тишина.

Сидит неподвижно.
Потом ноги начинают двигаться.
Не хочет.
Но двигаются.
Встал.
Пошёл к двери.
Открыл.
Вышел в коридор.
Закрыв дверь.
Пошёл на кухню.
Налил воды.
Выпил.
Вернулся в комнату.
Сел.
Взгляд на магнитофон.
Плётка крутится.
Слушание.
В наушниках — тишина.
Потом — шаги.
Собственные шаги.
Не двигается.
Шаги продолжают.
Три шага. Пауза. Три шага.
Сидит неподвижно.
Шаги в наушниках прекратились.
Потом — шорох.

Садится на стул.

Не двигается.

Шорох продолжается.

Садится.

Сидит неподвижно.

Потом — тишина.

Слушание.

Тишина.

Потом — стук.

Два удара. Пауза. Два удара.

Не стучал.

Стук продолжается.

Два удара. Пауза. Два удара.

Слушание.

Потом — тишина.

Сидит неподвижно.

Потом ноги начинают двигаться.

Клетка

Дождь в городе начался еще час назад, мелкий, противный, превращающий городскую пыль в липкую серую кашу. Денис вытер лицо рукавом куртки, поправляя лямку термосумки. Сумка весом килограммов в десять врезалась в правое плечо тупой, ноющей болью. Внутри плескались два супа в пластиковых контейнерах, три тяжелых бокса с роллами и пакет с картошкой, которая, судя по всему, уже превратилась в холодную, размокшую губку.

Заказ на тысячу двести рублей. Чаевые — ноль. Клиент в комментариях написал: «Позвонить за пять минут, не звонить в дверь, ребенок спит, оставить под ковриком». Денис ненавидел такие комментарии. Ненавидел людей, которые заказывали еду в девять вечера, а потом играли в прятки с курьерами.

Навигатор уверенно вел его во двор между двумя массивными, похожими на крепости сталинскими домами. Высокие, с лепниной, облезлыми атлантами на фасаде и узкими, глубоко посаженными окнами. Дом номер четырнадцать по неприметной боковой улице.

Денис толкнул тяжелую дубовую дверь подъезда. Та открылась с натужным скрипом, впустив его в знакомый, до боли родной запах: смесь вареной капусты, кошачьей мочи, старой пыли и чего-то металлического, похожего на запах

мокрой меди.

Лифт, разумеется, не работал. На первом этаже висела табличка с обрывком бумаги, на котором от руки было выведено: «Сломан. Ждите». Денис тяжело вздохнул, глядя на седьмой этаж. Семь пролетов. Он уже чувствовал, как икры начинают предательски сводить.

— Отлично, — пробормотал он, начиная подъем. — Просто отлично.

Первый этаж. Второй. Денис шел механически, считая ступени. Высокие, просторные лестничные клетки сталинок всегда действовали на него угнетающе. Потолки здесь уходили в темноту, а стены, окрашенные когда-то в бледно-зеленую краску, теперь были покрыты сеткой трещин, напоминающей венозную систему какого-то гигантского существа. Чугунные перила были холодными и липкими от конденсата.

Третий этаж. Четвертый.

На пятом Денис остановился, чтобы перехватить дыхание. Он достал телефон. Экран загорелся, показав время: 21:42. Сети не было. Ни одного деления. Денис постучал пальцем по стеклу, привычно выругался и убрал смартфон в карман.

Шестой этаж. Он сверился с бумажкой-наклейкой на термосумке. Квартира 74.

Седьмой этаж.

Денис поднялся на площадку, тяжело дыша. Площадка была пустой. Тусклая лампочка в пыльном плафоне горела вполнакала, отбрасывая болезненно-желтый свет. Денис по-

смотрел на номера квартир.

71. 72. 73.

Он перевел взгляд дальше. Там, где должна была быть 74-я, была глухая стена, оклеенная обоями в мелкий, выцветший цветочек. Денис моргнул. Протер глаза тыльной стороной ладони. Посмотрел снова. Стена. Никакой двери.

— Да вы издеваетесь, — тихо сказал он в пустоту.

Он подошел к стене, постучал костяшками пальцев. Звук был глухим, бетонным. Не фанера, не гипсокартон. Капитальная стена. Денис достал телефон, чтобы позвонить клиенту, но экран предательски погас. Сел.

— Ладно, — выдохнул он. — Наверное, я не на тот этаж поднял. Бывает. Устал, глаз замылился.

Он развернулся и пошел вниз, на шестой этаж, чтобы проверить, не перепутал ли он пролеты. Спустился на одну площадку. Посмотрел на номер, нацарапанный краской на стене.

«7».

Денис замер. Краска была свежей, ярко-красной, с подтеком внизу. Цифра семь.

— Бред, — пробормотал он, чувствуя, как по спине пробегают холода. — Я просто не посмотрел.

Он спустился еще на один пролет. Встал на площадку.

«7».

Та же краска. Тот же подтек.

Денис медленно поднял голову. Лампочка над ним была

точно такой же, с отбитым краем плафона. Перила — те же самые, с облезлой черной краской на изгибе. Он посмотрел на дверь квартиры 71. Она была темно-коричневой, с медным глазком. Точно такая же, как наверху.

Он подошел к окну на лестничной клетке. Окно должно было выходить во двор, на ржавые гаражи и разбитую детскую площадку. Денис отдернул тяжелую, некрашеную раму и выглянул наружу.

Он смотрел на лестничную клетку.

Ту же самую. С площадкой, с дверью 71, с окном, в которое он сейчас смотрел. Только там, в окне, не было его отражения. Там было просто пустое, желтое пространство другой лестничной клетки, уходящей вверх и вниз в бесконечность.

Денис резко захлопнул окно. Стекло дребезгнуло. Сердце ударило в ребра так, что перехватило дыхание.

— Спокойно, — сказал он вслух. Голос прозвучал плоско и тут же исчез, поглощенный пространством. Здесь не было эха. Звук не отражался от стен, он просто оседал на них, как пыль.

Он решил, что у него галлюцинации от переутомления. Такое бывает. Смена по шестнадцать часов, энергетики, недосып. Мозг просто отказывается обрабатывать реальность. Нужно выйти на улицу. Подышать. Умыться холодной водой.

Денис начал спускаться. Быстро, перепрыгивая через две ступени.

Восемь. Девять. Десять.

Он остановился. Площадка. Лампочка. Дверь 71.

На стене краской было выведено: «7».

Денис присел на корточки, чувствуя, как колени предательски дрожат. Он посмотрел на свои руки. Они были чистыми, но ему казалось, что он чувствует запах гари. Термосумка вдруг стала неестественно тяжелой, словно внутри нее лежали не роллы, а чугунные болванки. Лямка врезалась в плечо, вызывая острую, стреляющую боль.

Он встал и пошел к двери 71. Может быть, там ответят? Может быть, это чья-то злая шутка, и он просто заблудился в похожих подъездах? Он нажал кнопку звонка.

Звонок не зазвенел. Из динамика донесся низкий, гудящий звук, похожий на шум вентиляции в большом торговом центре. Денис отдернул палец.

Он посмотрел на двери. Раньше 71-я была темно-коричневой. Теперь она была серой, обшитой дерматином, с кривой щелью внизу.

Денис отшатнулся. Он перевел взгляд на 72-ю. Она стала белой, с лепниной по периметру, как в музеях. 73-я исчезла. Вместо нее был длинный, уходящий в темноту коридор, оклеенный обоями в цветочек.

Дом менялся.

Он не просто запутался в этажах. Дом переставлял комнаты, как фишки на доске.

Денис побежал. Он не мог больше идти. Он рванул вниз

по лестнице, цепляясь за холодные чугунные перила, чтобы не упасть. Пятый. Четвертый. Третий.

Он вылетел на площадку первого этажа, тяжело дыша, с хрипом. Входная дверь подъезда была прямо перед ним. Тяжелая, дубовая, с мутным стеклом. Спасение.

Он рванулся к ней, толкнул изо всех сил.

Дверь не поддавалась. Он толкнул еще раз, плечом, чувствуя, как болит ушибленная рука. Дверь стояла намертво. Не заперта. Она словно срослась с косяками. Денис посмотрел на номер этажа на стене.

«1».

Он посмотрел на дверь. Это была не входная дверь подъезда. Это была обычная квартирная дверь. Серая, с облезшей краской, с номером «1». Но подъезд начинался с квартир 10, 11, 12... Откуда здесь взялась первая?

Денис сполз по стене, садясь на холодный, пыльный линолеум. Термосумка придавила его к полу. Изнутри доносился странный запах. Не запах остывшей картошки и рыбы. Пахло чем-то сладковатым, тяжелым. Пахло разложением.

Дом переваривал его.

Он понял это не умом, а кожей, нутром. Воздух в подъезде стал густым, вязким, как сироп. Дышать было трудно, словно легкие наполнялись ватой. Стены слегка вибрировали. Это была не вибрация от проезжающих трамваев. Это было ритмичное, медленное сокращение. Как перистальтика. Трубы в стенах тихо, но отчетливо булькали.

Денис посмотрел на обои в цветочек на стене напротив. Цветы, казавшиеся раньше просто узором, теперь словно поворачивали головки вслед за его движениями. Он моргнул. Узор остался неподвижным. Но он *знал*, что они смотрят.

— Эй! — крикнул он. — Есть кто-нибудь?!

Голос вылетел из горла и тут же упал на пол, мертвый и глухой. Дом забирал звук. Дом забирал тепло. Денис заметил, что изо рта больше не идет пар, хотя на улице был ноябрь, а в подъезде должно быть холодно. Здесь было тепло. Влажно и тепло, как в пасти.

Он должен был выбраться. Он не мог здесь умереть. У него мать в больнице, ему нужно было платить за уход, он не мог сгнить в этом проклятом подъезде.

Денис встал. Ноги ватились, но он заставил себя идти. Не бежать. Бежать означало признать страх. А если он признает страх, дом сожрет его быстрее.

Он шел вверх. Если вниз нельзя, значит, нужно вверх. Может быть, где-то есть чердак. Выход на крышу.

Восьмой этаж. Девятый. Десятый.

Цифры на стенах менялись. То это была «8», то вдруг появлялась «4», потом «12». Двери менялись с каждым пролетом. Дубовые, металлические, обитые дерматином, с бронированными засовами, с мезузами, с детскими рисунками, приклеенными скотчем.

На каком-то этаже он увидел открытую дверь.

Денис замер. Из темного проема тянуло сквозняком. Он

подошел ближе, заглядывая внутрь.

Это была не квартира. Это была точно такая же лестничная клетка. Только перевернутая. Потолок был внизу, пол — наверху, и по нему, цепляясь за перила, вверх ногами шли люди. Тени. Серые, безликие силуэты, которые медленно поднимались в бездонную темноту пола.

Денис отшатнулся, зажмурился. Когда он открыл глаза, дверь была закрыта. Обычная, белая, с номером 42.

Он понял, что время здесь тоже сломалось. Или его не было. Телефон в кармане не просто сел. Он стал горячим, а потом холодным, как ледышка. Денис достал его. Экран был черным, но на стекле, в отражении тусклого света лампочки, он увидел свое лицо.

Оно было старше. Гораздо старше. Под глазами залегли глубокие тени, кожа серая, на висках — седые пряди.

Денис с криком швырнул телефон об стену. Экран разбился вдребезги. Осколки упали на линолеум и тут же начали тонуть в нем, словно линолеум стал жидким.

Он бежал. Бежал, не разбирая дороги, перепрыгивая через ступени, падая, разбивая колени, снова вставая. Термосумка давила на плечо, лямка прорвала ткань куртки и врезалась в кожу. Он чувствовал, как из рюкзака сочится что-то липкое. Суп, соус, кровь? Ему было все равно.

Дом сжимался. Потолки опускались все ниже. Теперь ему приходилось пригибать голову, чтобы не удариться о лепнину. Стены сближались. Лестница становилась уже. Перила

давили на бока.

Воздух был таким густым, что его пришлось буквально жевать. Пахло гнилью, старой пылью и чем-то еще... чем-то знакомым. Пахло его собственным потом.

Денис споткнулся и упал на площадку. Он лежал на холодном линолеуме, прижимаясь щекой к полу, слушая, как гудят трубы в стенах. Дом урчал. Он был сыт. Он почти закончил.

Денис перевернулся на спину. Над ним, в трех сантиметрах от его лица, был потолок с облупившейся побелкой.

Он должен был встать. Но сил не было.

И тут он услышал звук.

Тихий, ровный гул. Работающий телевизор. Где-то рядом. За стеной.

Денис повернул голову. Рядом, в шаге от него, была дверь. Не такая, как остальные. Обычная, современная, с хорошим звукоизоляционным уплотнителем. Из-под нее пробивалась полоска теплого, желтого света. И оттуда доносился звук телевизора. Голос диктора. Обычный, бытовой, нормальный звук.

Денис пополз к двери. Он цеплялся пальцами за линолеум, подтягивая тело. Плечо горело огнем. Он дотянулся до двери и схватился за косяк.

На стене рядом с дверью висел старый, тяжелый советский домофон. Металлический, с одной единственной кнопкой вызова и динамиком, затянутым пыльной сеткой.

Денис поднял дрожащую руку. Его пальцы были в grease и крови. Он нажал кнопку.

Кнопка ушла внутрь с тяжелым, металлическим щелчком.

Из динамика донеслось шипение. А потом — звук шагов. Легких, в мягких тапочках. Шаги подошли к двери. Замок щелкнул.

Дверь медленно открылась внутрь.

Из квартиры пахло жареной курицей и свежим хлебом. Нормальный, живой запах. Денис, опираясь на косяк, заглянул внутрь. В прихожей горел теплый свет. На полу стояли детские резиновые сапоги. На вешалке висела женская куртка.

А в проеме, ведущем в коридор, стоял человек.

Денис смотрел на него, и его разум, уже готовый окончательно сломаться, вдруг затих. Наступила абсолютная, кристальная ясность.

Человек был одет в такую же куртку курьера, как и у Дениса. Точно такую же, с тем же логотипом на груди, с той же прорехой на левом рукаве. Но куртка была выцветшей, застиранной до серости, с заплатками на локтях.

Человек смотрел на Дениса.

У него было лицо Дениса.

Только старше. Лет на двадцать. Волосы на висках были полностью седыми, кожа лица дряблой и землистой, под глазами — глубокие, черные провалы. В глазах не было ни удивления, ни страха. Только бесконечная, свинцовая усталость.

Старик — Денис — смотрел на себя молодого, лежащего на пороге, с окровавленным плечом и разорванной термосумкой, из которой на пол капал холодный, протухший суп.

Старик медленно перевел взгляд с лица Дениса на его плечо, потом на разорванную сумку. Он тяжело вздохнул. Этот вздох был похож на шум вентиляции в пустом торговом центре.

Старик поднял глаза и посмотрел Денису прямо в зрачки. — Ты опять забыл, как отсюда выходить, — тихо сказал он.

Дверь начала закрываться.

Денис попытался крикнуть, попытался упереться руками в косяк, но его мышцы не слушались. Он чувствовал, как пол под ним становится мягким, вязким. Линолеум обволакивал его ноги, как теплая смола.

Щель сужалась. Теплый свет из прихожей исчез.

Последнее, что увидел Денис перед тем, как дверь захлопнулась, был старый, выцветший логотип на куртке человека, который остался внутри.

А потом наступила темнота. И запах вареной капусты, кошачьей мочи и мокрой меди.

Где-то вдалеке, очень далеко, тихо булькнула труба.

И Денис понял, что ему снова нужно идти на седьмой этаж.

Линолеум не просто промялся под ним — он разверзся, как гнилая, долго не заживающая рана.

Денис не успел крикнуть. Вязкая, ледяная масса сомкнулась над его головой, мгновенно отрезая свет из коридора. Это было не похоже на воду или болотную тряси́ну. Масса была плотной, тяжелой, с привкусом старой извести и ржавой арматуры. Она давила на грудь, на глаза, на зубы.

Он пытался вырваться, дергал руками, но масса лишь густела, обволакивая его, как застывающий бетон.

И тут он услышал шум.

Это был не гул труб и не перистальтика стен. Это был шепот. Тысячи голосов, слившихся в единый, монотонный гул, как звук работающего на холостом ходу двигателя. Голоса доносились отовсюду — из стен, из пола, из самой этой черной жижи, в которой он тонул.

«...заказ на тысячу двести... чаевые ноль... не звонить в дверь... ребенок спит...»

Денис дернулся, и его щека терлась о что-то твердое, вплавленное в эту массу. Он приоткрыл глаза, хотя в этой черноте видеть было невозможно. Но зрение вернулось, искаженное, тусклое, словно он смотрел через мутное стекло.

Вокруг него, в толще этого «бетона», застыли лица.

Их были десятки. Сотни. Они вдавливались в стены подъезда, их рты были открыты в беззвучном крике, глаза смотрели в никуда. Денис узнал одного. Это был Санек, курьер, который пропал три месяца назад. Его лицо было серым, покрытым слоем пыли, но черты сохранились идеально. Рядом, чуть глубже, виднелся профиль женщины в форме другого

сервиса доставки.

Дом не просто переваривал их. Дом консервировал. Он впитывал их время, их усталость, их отчаяние, и встраивал в свою архитектуру. Они становились изоляцией в стенах, шумом в трубах, тем самым холодом, который шел от чугунных перил.

Денис почувствовал, как его легкие начинают сжиматься. Воздух кончался. Он вдохнул, и в горло хлынула густая, сладковатая пыль.

«...ты опять забыл...» — эхом отозвался в его голове голос старого Дениса.

Сознание начало гаснуть. Темнота стала абсолютной. Боль в плече исчезла, сменившись странным, ватным онемением. Денис перестал чувствовать свое тело. Он стал частью стены. Он стал этим домом.

Он очнулся от резкого, звонкого звука.

Дзынь.

Денис лежал на полу. Под ним был не вязкий бетон, а твердый, шершавый ковролин. В нос ударил запах пыли и дешевого освежителя воздуха с ароматом «морской бриз».

Он жадно вдохнул, закашлялся, выплевывая изо рта серую пыль. Кашель был сухим, лающим. Он перевернулся на спину и посмотрел вверх.

Над ним был потолок. Обычный, побеленный, с лепниной по краям. В центре горела люстра — тяжелая, советская, с

подвесками, которые тихо позвякивали от сквозняка.

Денис сел, цепляясь руками за ковролин. Ладони дрожали. Он осмотрел себя. Куртка была цела. Термосумка лежала рядом, но лямка была не порвана, а аккуратно застегнута. Плечо не болело.

— Где я? — хрипло спросил он.

Голос прозвучал глухо. Он находился в небольшой прихожей. На стене висело зеркало в багете, под ним — тумбочка с ключницей. На полу стояли детские резиновые сапоги. Те самые, которые он видел в щель открывающейся двери.

Денис медленно встал. Колени предательски подогнулись, но он удержался, схватившись за стену. Обои в прихожей были те самые, в мелкий выцветший цветочек.

Он посмотрел в сторону коридора. Там, в глубине квартиры, сидел человек.

Это был тот самый старик. Он сидел в глубоком кресле, спиной к Денису, и смотрел в выключенный телевизор. На нем была та же выцветшая куртка курьера.

— Вы... кто? — спросил Денис, чувствуя, как по спине снова ползут мурашки. — Вы сказали, что я забыл...

Старик не обернулся. Он медленно поднял руку и указал пальцем на стену рядом с входной дверью.

Там висел тот самый домофон. Металлический, тяжелый. Но теперь его кнопка мигала тусклым красным светом.

Дзынь.

Звонок повторился.

— Подойди, — тихо сказал старик. Голос его был сухим, как шуршание бумаги. — Ответь.

— Я не буду, — Денис попятился к двери. — Я вызову полицию. Я...

Он полез в карман за телефоном. Достал его. Экран загорелся. Сеть была. Время: 21:42. То же самое, что и час назад.

— Звони, — кивнул старик, наконец поворачивая голову. Денис посмотрел ему в лицо и замер.

Это было не просто старое лицо. Это было лицо, которое начало *плавиться*. Кожа на щеках была натянута, а под ней, словно проступающий сквозь воду камень, виднелся узор. Мелкий, выцветший цветочек.

Обои росли изнутри него.

Старик тяжело оперся на подлокотник кресла. Денис с ужасом заметил, что кресло не просто стоит на полу. Его деревянные ножки вплавлены в ковролин, а обивка, сделанная из того же дерматина, что и двери подъезда, переходит в кожу старика на его плечах.

— Дом не отпускает, — прошепел старик, и его губы с трудом шевелились, словно они тоже начинали деревенеть. — Дом берет свое. Время, силы, молодость. Он жрет нас, чтобы стоять. Чтобы стены не рухнули. Чтобы лифт не упал. Чтобы трубы не лопнули.

Дзынь.

— Я был здесь двадцать лет, — продолжил старик, и в его голосе прорезалась нотка безумного, заученного терпения.

— Я думал, я просто заблудился. Я ходил вверх и вниз. Я звонил в двери. Я кричал. А потом я понял, что я больше не курьер. Я — часть маршрута. Я — точка доставки.

Денис смотрел на него, и холод, шедший от чугунных перил, теперь исходил от его собственных костей.

— Почему я? — прошептал Денис. — Почему я вижу тебя?

— Потому что ты следующий, — старик слабо усмехнулся, и уголок его рта треснул, осыпаясь на пол сухой побелкой. — Дом любит иронию. Он использует твою же надежду, чтобы поймать тебя. Я был тобой. Я открыл дверь себе молодому. Я сказал те же слова. И теперь моя смена закончена.

Старик медленно, с натужным скрипом поднялся из кресла. Звук был тошнотворным — как если бы сдирали старый, прикипевший линолеум. Кресло осталось на месте, а старик сделал шаг. От его спины оторвались длинные, тонкие нити, похожие на корни, и повисли в воздухе, медленно засыхая и превращаясь в пыль.

Он подошел к входной двери. Его рука легла на ручку.

— Твоя очередь, — сказал он, не оборачиваясь. — Дом голоден. Ему нужны новые.

Старик открыл дверь и шагнул на лестничную клетку. Денис рванулся за ним, крича: «Подожди! Не оставляй меня!».

Но дверь захлопнулась. Замок щелкнул.

Денис ударил по ней плечом. Дверь была заперта изнутри. Он крутил ручку, дергал ее, бил кулаками по дереву. Беспомощно.

лезно. Дверь стала монолитной, как стена.

Он отшатнулся, тяжело дыша, и прислонился спиной к стене, сползая на пол.

В прихожей повисла тишина. Только тикали часы на стене.

Денис посмотрел на свои руки.

Кожа на тыльной стороне ладони была гладкой. Но прямо на его глазах, у него на глазах, она начала тускнеть. Появились первые, едва заметные морщинки. Суставы пальцев ныли, словно в них вкручивали мелкие ржавые шурупы.

Он вскочил и подбежал к зеркалу.

Из зеркала на него смотрел мужчина лет сорока. Под глазами залегли глубокие тени. На висках проступала седина. Лицо было осунувшимся, землистым, с тем самым выражением свинцовой, бесконечной усталости, которое он видел на лице старика.

Двадцать лет. Дом забрал их за одну минуту.

Денис медленно опустился на пол. Он посмотрел на термосумку. Она больше не казалась тяжелой. Она казалась родной. Часть его тела.

Дзынь.

Домофон мигал красным светом.

Денис знал, что там. Он знал, кто там стоит. Там стоял он сам. Молодой, циничный, уставший, с термосумкой, в которой плескался остывший суп. Тот, кто еще не понял, что он уже мертв. Тот, кто думает, что у него есть выбор.

Денис встал. Его колени больше не дрожали. Движения стали медленными, размеренными, как у старого механизма.

Он подошел к домофону. Снял трубку.

— Слушаю, — сказал он. Голос был сухим, шуршащим.

— *Э-э, алло! Вы там? Я курьер, заказ привез! Квартира семьдесят четыре?* — голос из трубки был молодым, злым и раздраженным. Его собственным голосом.

Денис посмотрел на дверь. Он чувствовал, как обои под его курткой начинают прорастать сквозь ткань, вплетаясь в его плоть. Он чувствовал, как дом пульсирует вокруг него, требуя пищи.

Он нажал кнопку открытия двери. Замок щелкнул.

Денис сделал шаг в коридор, встал в проем и посмотрел на молодого курьера, который уже заносил руку, чтобы позвонить снова.

Денис посмотрел ему прямо в зрачки. В них еще был огонь. Еще была злость. Еще была надежда выбраться.

Денис открыл рот, и слова, которые он должен был сказать, поднялись не из его горла, а из самых глубин дома, из труб, из стен, из застывших в бетоне лиц.

— Ты опять забыл, как отсюда выходить, — тихо сказал он.

И пока молодой Денис замирал в ужасе, понимая, что происходит, старый Денис почувствовал, как его ноги тяжелеют, как ковролин под ним размягчается, принимая его в свои объятия.

Смена началась. Дом был сыт. Но он всегда оставался голоден.

Смена

Мотель «Транзит» стоял на сорок втором километре старой трассы, там, где асфальт давно пошел волнами, а фонари горели через один. Двенадцать номеров, рецепция с тремя стульями для ожидания, маленький туалет за перегородкой и парковка на восемь машин — больше здесь ничего не было. Хозяева звали это место «придорожным сервисом», но на деле мотель служил перевалочным пунктом для тех, кому не хотелось светиться в гостиницах областного центра. Дальновойсники, уставшие пары, бегуны от каких-то своих историй — все они находили здесь дешевую кровать, горячую воду и полную тишину после десяти вечера.

Илья работал ночным администратором уже третий месяц. Ему нравилась эта работа не из-за денег — платили мало, конвертом, без официального оформления — а из-за предсказуемости. Ночью трасса умирала. Грузовики проезжали редко, водители заходили только за кипятком и сигаретами, молча кивали и уходили обратно в свои кабины. Иногда забредали случайные люди — пьяные после корпоратива в соседнем райцентре, потерявшиеся туристы, изредка — молчаливые мужчины в дорожных куртках, которые расплачивались крупными купюрами и не смотрели в глаза.

В рецепции пахло хлоркой, старой пылью и дешевым растворимым кофе. Гудел старый холодильник с напитками,

иногда срываясь на хриплый бас. Люминесцентная лампа над стойкой мигала — Миша, напарник Ильи, уже месяц собирался ее заменить, но руки так и не дошли. На стене висели часы с кукушкой, которые давно не работали, и выцветшая карта области, на которой кто-то фломастером отметил заправки и придорожные кафе.

Четыре монитора системы видеонаблюдения показывали парковку, коридоры первого этажа, вход и саму рецепцию. Картинка была зернистой, с синеватым оттенком — камеры старые, еще с тех пор, когда мотелем владел отец нынешнего хозяина. Илья проводил за ними ночи, наблюдая, как по пустой парковке пробегают кошки, как качаются на ветсу ветки старой акации у крыльца, как иногда на горизонте вспыхивают дальние фары и гаснут, так и не доехав до мотеля.

За окном лил дождь. Обычный осенний дождь, который шел уже вторые сутки и превратил мир за стеклом в размытое серое пятно. Капли барабанили по жестяному козырьку над входом, и этот звук заполнял все пространство рецепции, заглушая гудение холодильника и тихое потрескивание старого радиатора.

Было три часа ночи. Илья зевнул, потирая тыльную сторону левой ладони о штаны — привычка, которая проявлялась, когда начинала клонить в сон. Он встал, чтобы налить себе кофе из термопота, как вдруг на мониторе, показывающем вход, мелькнуло движение.

Кружка замерла на полпути ко рту. Илья поставил ее на

стол, придвинулся к мониторам, прищурившись. Картинка была нечеткой, но силуэт различался ясно.

Перед стеклянной дверью стоял мужчина. Не прятался от дождя под узким козырьком — просто стоял, лицом к двери. Серый плащ, воротник поднят. Руки по швам. Ни движения.

Странно было не то, что человек стоит под дождем. Странно было то, как он стоял. Слишком ровно. Слишком неподвижно. Даже когда ветер срывал с него капли воды, корпус не качался. Словно фигуру установили на подиуме и забыли убрать.

Илья нажал кнопку домофона.

— Мотель закрыт на технический перерыв, — сказал он в микрофон, повторяя заученную фразу, которую ввел в обход, чтобы не возиться с неадекватными пьяницами. — Заселение с восьми утра.

Мужчина не отреагировал. Не вздрогнул, не поднял голову, чтобы посмотреть на камеру. Просто поднял руку и толкнул дверь. Дверь была заперта, но через секунду раздался повторный рывок ручки — чуть сильнее, и затем снова тишина. Ожидание.

Илья выругался про себя. Отключил блокировку, нажал кнопку открытия. Замок щелкнул, и дверь приоткрылась на несколько сантиметров.

Мужчина вошел. От него не было ни звука — ни шороха мокрой обуви по линолеуму, ни дыхания, ни скрипа плаща. Подошел к стойке. Вблизи выглядел обычным: лет сорока,

усталое лицо, короткая стрижка, седина на висках. Но было в нем что-то неправильное. Илья не мог сразу понять, что именно.

— Номер, — сказал мужчина. Голос был ровным, без интонации, как у навигатора.

— Паспорт нужен, — механически ответил Илья, протягивая регистрационную карту.

Мужчина положил на стойку паспорт, водительские права и смятые купюры. Движения были точными, отработанными, но в них не было той легкой небрежности, с которой обычные люди достают документы. Все было положено параллельно краю стойки, углы совпадали.

— Номер четырнадцать, — сказал мужчина.

Илья посмотрел на деньги. Три тысячи ровно. Мелкими, помятыми пятисотенными. Купюры были влажными, но не от дождя — скорее от пота, хотя ладони гостя оставались совершенно сухими. Он посмотрел на паспорт. Сергей Михайлов, регистрация в соседнем областном центре. Фотография в паспорте была старой — лет пятидесяти, может, больше. Лицо на снимке отличалось от того, что смотрело на Илью через стойку: на фото улыбка, здесь — нейтральное выражение.

— Вы на машине? — спросил Илья, пробивая ключ-карту. — Парковка у нас бесплатная, но нужно оставить номера.

Мужчина молчал. Две секунды. Илья сосчитал про себя: одна, две.

— Машина осталась на заправке, — ответил мужчина. — Ключ.

Илья протянул ключ-карту в чипсе. Их пальцы не соприкоснулись. Мужчина забрал ключ, развернулся и пошел к коридору.

Провожая его взглядом, Илья заметил странную деталь. Плащ был мокрым, вода стекала по нему, но на полу за мужчиной не оставалось луж. Только на коврик у двери — несколько капель. Будто человек прошел не сквозь дождь, а появился уже внутри.

Илья моргнул, протер глаза. Усталость. Дождь. Гудение холодильника действовало на нервы. Он допил кофе, вытер стойку тряпкой и снова уселся за мониторы. Мужчина на экране шел по коридору. Шел ровно, не шатаясь, но походка казалась слишком правильной. Слишком симметричной. Как у солдата на параде, или как у человека, который только что научился ходить и старается не забыть последовательность движений.

Остановился у номера четырнадцать, приложил карту, вошел, закрыл дверь. На этом странности закончились. Илья снова переключил внимание на дождь за окном.

Утро началось в семь. Илья не любил дневные смены, но напарник Миша заболел — свалился с температурой, позвонил еще в шесть, хриплым голосом извинился, пообещал выйти завтра. Пришлось оставаться до вечера.

Днем мотель выглядел иначе. Серые стены казались грязными, линолеум в коридорах был потерт до основы, а свет люминесцентных ламп делал все лица болезненно-желтыми. Солнце пробилось сквозь тучи, и косые лучи ударили в стеклянные двери рецепции, заливая пол ярким, почти белым светом. В этом свете пыль на стойке казалась особенно заметной, и Илья принялся ее вытирать, чтобы занять руки.

В десять утра из номера четырнадцать вышел мужчина.

Илья как раз протирал стойку. Поднял голову, ожидая, что гость попросит счет или сдачу. Мужчина подошел к рецепции. На нем была та же серая куртка, но теперь она выглядела идеально сухой и чистой. Ни складки, ни пятна от вчерашней грязи. Воротник не поднят, а аккуратно отложен.

— Доброе утро, — сказал мужчина.

Илья кивнул.

— Выписываетесь?

— Погода сегодня располагает к поездке, — ответил мужчина. Смотрел прямо в глаза. Улыбался. Улыбка была вежливой, но не затрагивала глаз. Глаза были плоскими, как на фотографии. — Благодарю за обслуживание. Номер четырнадцать. Ключ-карта.

Мужчина положил карту на стойку. Илья взял ее. Пластик был теплым — не от руки, а словно нагретым изнутри.

— Все в порядке? — спросил Илья. — Вам не нужно...

— Всего доброго, — перебил мужчина. Развернулся и пошел к выходу.

Илья смотрел ему в спину. Солнце светило прямо на гостя. Илья перевел взгляд на пол.

За мужчиной не было тени.

Моргнул. Перевел взгляд на стойку, на свой собственный силуэт, четко отбрасываемый на стену за спиной. Снова посмотрел на гостя. Мужчина толкнул дверь, вышел на крыльцо. Тени на асфальте не было.

Илья вышел из-за стойки, обошел ее, посмотрел в окно. Мужчина шел по парковке к трассе. Тени не было. Солнце висело низко, и от каждой машины, от каждого столба, от самого Ильи тянулись длинные черные полосы. А за идущим мужчиной — только асфальт.

— Эй! — крикнул Илья, но стекло глушило звук. Мужчина даже не обернулся. Просто шел, размеренно переставляя ноги, пока не растворился в мареве над дорогой.

Вернувшись за стойку, Илья сел, положил локти на стол и провел ладонями по лицу. Сердце билось ровно, но в груди появилось неприятное, тягучее чувство, похожее на то, когда проваливаешься во сне. Он посмотрел на мониторы. Пустая парковка. Пустой коридор.

«Галлюцинация», — решил он. «Я просто не выспался. Свет падал под таким углом... отражение от витрины...» Он начал подбирать рациональные объяснения, цепляясь за них, как за перила на скользкой лестнице. Но в голове застряла одна деталь: сухая куртка. Вчера она была мокрой. Сегодня — идеально чистая.

Открыл журнал регистрации. Запись за ночь: *Сергей Михайлов, номер 14, заезд 04:12*. Посмотрел на паспортные данные, которые переписал вчера. Все совпадало. Но когда вбил номер в базу, система выдала ошибку: *Гость не найден*.

Нахмурился. Вбил данные снова. Ошибка. Открыл папку с отсканированными паспортами. Фотографии не было. Только пустая графа.

Закрыв ноутбук. Нужно было просто досидеть смену. Уйти домой, поспать, а завтра поговорить с Мишей. Может, база глючит. Может, действительно устал.

День тянулся медленно. Приезжали обычные гости — семейная пара с ребенком, шумный дальнобойщик, пожилая женщина с собачкой. Все они вели себя как люди: шумели, жаловались на погоду, спрашивали, где поблизости можно поесть, оставляли лужицы у двери. У каждого была тень.

Семейная пара заселилась в номер семь. Ребенок бегал по рецепции, пинал мячик, мать одергивала его, отец расплачивался, пересчитывая мелочь. Собачка пожилой женщины из номера девять суежилась у ног хозяйки, тявкала на холодильник. Дальнобойщик из номера три громко разговаривал по телефону, ругался на диспетчера, хлопал дверью номера так, что дрожали стены.

Все это было нормальным. Живым. Настоящим.

Илья ловил себя на том, что сравнивает каждого нового

гостя с ночным посетителем. У семейной пары были тени. У дальнобойщика был пот на лбу. У пожилой женщины дрожали руки, когда она доставала кошелек. Все они были несовершенны, и именно это несовершенство делало их настоящими.

К вечеру Миша так и не появился. Позвонил снова, извинился, сказал, что температура не спадает. Илья остался на вторую ночь.

Вторая ночь началась так же, как первая. Дождь. Гудение холодильника. Илья сидел за стойкой, но теперь не смотрел в мониторы. Смотрел на дверь.

В 04:27 на парковке никого не было. В 04:28 женщина уже стояла перед стеклянной дверью.

По спине потек холодный пот. Не было слышно звука мотора. Не было слышно шагов по гравию. Она просто появилась.

Красное пальто, черный шарф. Стояла неподвижно, глядя на дверь. Руки по швам. Та же поза, что у вчерашнего мужчины.

Илья не стал включать домофон. Нажал кнопку открытия. Женщина вошла. Была моложе вчерашнего гостя, лет двадцати пяти. Лицо красивое, но какое-то... застывшее. Как у манекена в дорогом бутике, которому придали слишком идеальное выражение лица.

— Номер, — сказала она. Голос был мягким, женским, но

в нем не было дыхания. Слова звучали так, будто их воспроизвели из динамика.

— Паспорт, — голос Ильи дрогнул. Откашлялся. — Паспорт, пожалуйста.

Она положила на стойку паспорт, сумочку и деньги. Две тысячи. Купюры были новыми, хрустящими.

— Номер восемь, — сказала она.

— Вы на машине? — спросил Илья, хотя уже знал ответ.

— Машина осталась на заправке, — ответила она. Те же слова. Та же интонация. Та же пауза в две секунды перед ответом.

Илья пробил ключ. Протянул его. Она забрала, их пальцы снова не соприкоснулись.

— Спасибо, — сказала она. — Всего доброго.

Пошла к коридору. Илья смотрел на монитор. Шла так же ровно, так же симметрично. Остановилась у восьмого номера, вошла.

Сидел неподвижно. Смотрел на свои руки. Они слегка дрожали. Сжал кулаки, уперев их в колени.

«Это не нормально», — сказал вслух. Голос прозвучал глухо в пустой рецепции.

Можно было позвонить в полицию. Но что сказать? Что гости приходят без машин? Что у них нет теней? Что они говорят как роботы? Отправят на освидетельствование. Или просто посмеются.

Встал. Взял мастер-ключ.

Коридор первого этажа был длинным, с дверями, выходящими прямо на парковку. Линолеум здесь был темно-коричневым, в мелкую крапинку, чтобы не была видна грязь. Илья шел тихо, хотя понимал, что гости «спят». Остановился у номера четырнадцать.

Приложил мастер-ключ. Загорелся зеленый светодиод. Дверь щелкнула.

Толкнул ее. В номере было темно, горел только тусклый ночник у стены. Пахло озоном и чем-то еще... как от новой пластиковой упаковки.

Вещи лежали на кровати. Серый плащ, сложенный идеально ровным прямоугольником. Рядом — рюкзак.

Подошел ближе. Чувствовал себя нарушителем, но страх перед неизвестностью пересиливал. Протянул руку и коснулся плаща. Ткань была сухой. Провел рукой по карману. Внутри что-то было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.